
СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА КАК СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И АНАЛИЗ РЕАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Л.В. Константинова

В статье предпринята попытка в рамках системной методологии и постмодернистской критики осуществить социологическую интерпретацию общественного сектора как субъекта социальной политики. В этой связи проанализированы теоретические предпосылки социологической рефлексии негосударственной самоорганизации общества; произведена концептуализация негосударственного пространства социальной политики, аккумулирующего социальный потенциал догражданской и гражданской самоорганизации; выделены существенные характеристики общественного сектора как самостоятельного субъекта социальной политики, обозначены его социальный статус, направления и виды активности в социальной сфере, функциональные возможности и принципы деятельности; на основе статистических данных и результатов эмпирических социологических исследований выявлены основные проблемы становления общественного сектора как актора социальной политики в трансформирующемся российском обществе.

Ключевые слова: негосударственная самоорганизация общества, субъекты социальной политики, негосударственное пространство социальной политики, общественный сектор

Постановка проблемы

В современных условиях государство является основным, но не единственным субъектом социальной политики. Смена государственно-центристской модели социума общественно-центристской моделью [Pierre, 1997], децентрализация управления, мультипликация и индивидуализация центров власти в обществе, воспроизводство новых, более сложных социальных проблем, не поддающихся решению с помощью традиционных методов деятель-

ности государственных служб [Хилл, 1995. С. 15–24], приводят к необходимости перераспределения социальной ответственности от государства в пользу негосударственных субъектов. Выход на более устойчивый путь социального развития видится исследователям данной проблемы [см.: Дарендорф, 1993; Келлер К., Келлер П., 2001; Турен, 1998; Козловски, 1998; Кларк, 2003; Томпсон, 2001; Шанин, 1997; Штрассер, 1999] не только в модернизации государства и мобилизации потенциала свободного рынка, но и в *развитии потенциала естественной солидарности* и разнообразного гражданского опыта [Козловски, 1998. С. 270–278], так как общественным развитием движут не только рыночные отношения и эффективное политическое управление, но и альтруизм, коллективная солидарность [Шанин, 1997. С. 37–39] и новая социальная субъектность в лице общественных движений [Турен, 1998. С. 21–23]. Именно в этих формах социальности «проявляет себя другая, организованная не по рыночному образцу экономика высшей эффективности, которая не менее важна для благосостояния и свободы, чем рыночная экономика. <...> Из взаимодействия и взаимопереплетения государственной деятельности и общественной самостоятельности способна вырастать социальная производительность более высокого и качественно нового уровня» [Штрассер, 1999. С. 138–139]. Поэтому вопросы о модернизации современного социального государства и повышении эффективности системы регулирования социальных отношений с необходимостью влекут за собой вопрос о мобилизации потенциала самоуправляемых общественных субъектов в сфере социальной политики [Кларк, 2003. С. 72]. Это, в свою очередь, актуализирует потребность социологического анализа данных процессов.

Теоретические предпосылки социологического анализа негосударственной самоорганизации

Классическая и современная социологическая мысль содержат немало теоретических обоснований способности общества к разнообразным формам негосударственной самоорганизации в различных сферах жизнедеятельности. Одним из первых указанные проблемы ввел в социально-политический дискурс А. де Токвиль, изучавший социальные условия государственно-политического устройства и культурные особенности формирующегося гражданского общества в США, где возникали многие добровольные ассоциации неполитического и непромышленного характера. Анализируя их, он пришел к выводу о существенной роли ассоциаций и объединений граждан в общественной жизни [де Токвиль, 2000. С. 379]. По мнению Токвиля, политическое и социальное равенство приводит к необходимости гражданской самоорганизации, так как государство в этом случае обретает вполне конкретный, ограниченный круг реально выполнимых функций и полномочий. И никакая политическая власть не способна «достаточно эффективно справляться со всей той массой бесчисленных мелких дел, которая ежедневно выполняется гражданами с помощью союзов и объединений» [де Токвиль, 2000. С. 379]. В функциональном плане умение создавать объединения рассматривалось Токвилем как первоос-

нова общественной жизни, от которой зависит прогресс всех ее остальных сторон [де Токвиль, 2000. С. 381]. Проанализировав взаимосвязь прогресса в сфере социальных прав и свобод с прогрессом в сфере гражданской самоорганизации, Токвиль продемонстрировал, что неполитическая коллективность выступает альтернативой и дополнением государственной организации.

Чуть позже Дж. Дьюи в дискуссиях с крайними государственниками и анархистами выдвинул ряд социологических аргументов в пользу возможностей развития неполитических форм организации общественной жизни, их естественной и неформальной природы [Дьюи, 2002. С. 23–24]. Предпринятый им аналитический экскурс позволил провести различие между ними и государством и выявить критерий, позволяющий отличить политически организованное общество от всех прочих разновидностей жизни в сообществе. По мнению Дьюи, каждая форма ассоциации обладает собственным конкретным качеством и ценностью, что определяет ее уникальность и несводимость к другим формам социальной организации. Поэтому в некоторых обстоятельствах государство оказывается отнюдь не всепроникающим и всепоглощающим, а наоборот, «самым праздным и пустым из человеческих установлений» [Дьюи, 2002. С. 37–40].

Особое внимание анализу форм добровольной самоорганизации общества уделено в своих работах Т. Парсонс. Он считал подобные формы третьим главным, наряду с рыночными системами и бюрократической организацией, типом структурирования, «для которого открывают возможности современные социетальные коллективы» [Парсонс, 1998. С. 41–43]. Основопологающей чертой структур типа ассоциаций, по мнению Парсонса, является добровольность, которая почти буквально выполняется при принятии решений о членстве. Исследуя генезис социетальных сообществ, Парсонс заключил, что параллельно с развитием принципов ассоциации в государственных органах управления умножалось число ассоциаций и в других секторах общества. Формой их существования становились политические партии, кроме этого формировались ассоциации, организованные вокруг различного вида интересов. Важным моментом в развитии ассоциаций Парсонс считал возникновение объединений по профессии, где особое значение приобретают стремления профессионалов объединиться для продвижения своих общих интересов и поддержания профессиональных стандартов компетентности. Анализируя современность в перспективе функционалистской парадигмы, Парсонс заключил, что важные оперативные функции современных обществ исполняются исключительно структурами типа ассоциаций, которые выходят на ключевые позиции в процессах дифференциации и плюрализации современных социетальных сообществ наряду с рынком и бюрократией.

Если Парсонс, характеризуя ассоциации как особого рода самоорганизации человеческих коллективов, интерпретировал их в качестве формальных структур, то Ю. Хабермас в его теории коммуникативного действия для характеристики автономных форм социальной жизни современного человечества ввел понятие «общественность», «публичность» (*Öffentlichkeit*) и предложил рассматри-

вать феномены, им обозначаемые, в качестве специального предмета комплексного научного анализа. Проследивая генезис исторических типов общественности, он пришел к выводу, что именно эти феномены социальности, их подвижные, постоянно обновляющиеся формы представляют противоречие иррациональности частного интереса и диктаторским устремлениям административной власти. Феномены общественности представляют собой те срезы социального, суть которых состоит в открытости совместной деятельности людей (в противоположность относительной закрытости, обособленности частной жизни). Их предназначение – постоянно способствовать установлению широких, многомерных связей коммуникации, по отношению к которым политические связи есть одна, хотя и очень важная разновидность [Хабермас, 1992. С. 130].

Одной из современных форм общественности, по мнению Хабермаса, является «публичность» гражданского общества в форме ассоциаций. Она как бы располагается в качестве звена опосредования между частной сферой гражданского общества (где разворачивается необобщественная деятельность индивидов по производству и обмену товаров, куда также включается жизнь отдельной семьи) и сферой общественно-официальной власти. В этом смысле общественность, непосредственно не вовлеченная в исполнение властных функций, превращается в точку роста, где рождаются свободные, критические формы коллективного взаимодействия.

Специфической чертой подобных ассоциаций, по мнению Хабермаса, является их автономность, спонтанность возникновения из микрообластей повседневной практики [Фурс, 2000. С. 172]. Организационные формы добровольных ассоциаций в отличие от индивидуалистической конструкции естественного состояния детерминируются свободными от политического господства дискуссиями и актами коммуникаций. Поэтому общество, интегрированное не рынком, а ассоциациями, становится одновременно и политическим, и свободным от господства, к чему и обращаются надежды на его суверенную самоорганизацию [Хабермас, 1992. С. 74].

Изложенные аналитические аргументы в пользу способности общества к неполитической самоорганизации свидетельствуют о том, что в современном сложноорганизованном обществе государство является одной из основных, но не единственной, а существующей наряду с другими, инстанцией, центрирующей процессы социальных взаимодействий. Наряду с государством и рынком как традиционными макрорегуляторами, все более существенное значение в организации общественной жизни, в решении индивидуальных и коллективных социальных проблем приобретают свободные ассоциации. В их лице общество заявляет о себе как неполитическая самоуправляемая субстанция, а государство получает возможность ограничить зону своей компетенции исполнением именно тех функций, которые могут быть эффективно исполнены политическими средствами. Не случайно поэтому современными авторами, предлагающими заменить централизованные учреждения социального обеспечения сетью мелких самоуправляемых групп социальной помощи, призна-

ется, что активизация таких самоуправляемых групп и общин в сфере социальной политики является в настоящих условиях единственным действенным методом, способным «соткать» сеть, обладающую возможностью обеспечить всех необходимой им долей ресурсов [Дарендорф, 1993. С. 35].

Пространство негосударственной социальной политики

Социальный потенциал негосударственных субъектов социальной политики активно воспроизводится в современных обществах во всех моделях социальной политики. Поэтому его следует рассматривать как отдельный специфический феномен, требующий категориального и аналитического оформления. В концептуальной системе социальной политики данный потенциал может быть обозначен как пространство негосударственной социальной политики. С помощью этого понятия на теоретическом уровне появляется возможность показать собственно социальный аспект гражданского общества, обозначив его отличия от политической, экономической, культурной и иных составляющих, а также в обширном множестве неинституционализированных форм коллективного взаимодействия и индивидуальной активности обозначить те из них, которые обладают качествами субъектности в сфере социальной политики.

Акцентируя внимание на совокупных характеристиках негосударственных субъектов социальной политики на теоретическом уровне, можно, с одной стороны, расширить традиционные рамки исследования социальной политики, ограничивающиеся в основном контекстом государства. С другой стороны, нужны иные концептуальные рамки, чтобы распознать в социальной реальности множественные, нестандартные, динамично изменяющиеся образцы негосударственной коллективности, способные без государства либо в совокупности с государством активно включаться в процессы регулирования социальных отношений и развития людских ресурсов, и тем самым реализовывать элементы социальной ответственности на макро-, мезо- и микроуровнях. Пространство негосударственной социальной политики образуется социальной направленностью индивидуальных и коллективных инициатив на основе принципов самоорганизации и ответственности.

В реальности такое пространство включает в себя разнообразный спектр негосударственных форм коллективности, имеющих различную степень институционализации, способных самостоятельно, без участия государства, под свою ответственность, через мобилизацию собственных ресурсов осуществлять значимые социальные функции и брать на себя широкие социальные обязательства по отношению к своим членам и таким образом реализовывать качества субъектности в сфере социальной политики. Известный государственный контроль и конкурсное финансирование общественного сектора со стороны государства не есть форма его полного подчинения государству. Государство задает правовые рамки функционирования общественным

институтам, что не отрицает их самостоятельности, а в оптимальной ситуации стимулирует ее.

Негосударственные субъекты социальной политики представляют собой такие формы социальной кооперации и ассоциаций, которые на локальных уровнях способны противостоять как диктатуре свободного рынка, так и диктату «государства всеобщего благоденствия» [Шанин, 1997. С. 37–39]. Поэтому в системе социальной политики негосударственные акторы выступают в качестве ее самостоятельных значимых субъектов, функционирующих наряду и в совокупности с социальным государством, за пределами его границ, в качестве его дополнения, компенсации его издержек и замещения его социальных функций.

Пространство негосударственной социальной политики, характеризующее развитый тип гражданского общества, выходит за его пределы и охватывает собой некоторые традиционные формы коллективности (общинные взаимосвязи, местные сообщества, семейную кооперацию), обладающие определенным потенциалом в сфере регулирования социальных отношений и развития социальных ресурсов. В историческом плане такое пространство первично по отношению к социальному государству и гражданскому обществу, которые являются продуктами индустриальной и постиндустриальной эпохи. Его изначальные формы фиксируются еще в архаических обществах в виде создания социального института личной взаимопомощи между членами рода, постепенно обретающего статус морально-правового ядра социальной структуры [Luhmann, 1991. S. 134–149]. Отметим, что стимулирование развития институтов негосударственной социальной политики является одним из направлений государственной политики современных социальных государств. Если использовать для его интерпретации теорию структуризации Э. Гидденса [Гидденс, 2003. С. 40–47], то можно сказать, что пространство негосударственной социальной политики формируется естественным образом в виде непреднамеренного последствия множества потоков локальной преднамеренной деятельности индивидуальных и коллективных акторов в их повседневной жизни, которые одновременно воспроизводят и условия, делающие эту деятельность возможной. Поэтому пространство негосударственной социальной политики формируется как некое определенное качество социальной системы, возникающее в результате действия, пересечения и упорядочения в территориальных и временных границах множества социальных практик, связанных с регулированием социальных отношений, выравниванием социальных шансов и распределением социальных ресурсов. Степень развитости такого пространства отражает степень развития, устойчивости и распространенности в конкретном обществе практик самоорганизации и самоуправления в сфере социальной политики.

Негосударственные субъекты социальной политики, наполняющие такое пространство, представляют собой особые сгустки социальности разнородного плана, образующиеся и функционирующие в различных участках социума, за исключением зоны государственной социальности, например в сфере рыночного производства, в сфере функционирования институтов гражданского

общества, в межсемейных сетях и локальных сообществах. Они более динамичны и адаптивны к изменяющимся социальным потребностям, чем структурные элементы государственной социальной политики. Критерием отнесения форм негосударственной коллективности к субъектам социальной политики следует считать наличие у них способности инициировать, брать на себя социальные обязательства и самостоятельно обеспечивать их реализацию, то есть способности к социальной ответственности. В качестве основных негосударственных субъектов социальной политики могут быть выделены общественные организации, предприятия и учреждения различных форм собственности в части их корпоративной социальной политики, местные сообщества, семья, межсемейные сети социальной поддержки.

Общественный сектор как субъект социальной политики

Современные модели социальной политики [Лайкам, 2000. С. 19–26] демонстрируют, что в структуре ее основных акторов в качестве самостоятельных и полноценных субъектов наиболее отчетливо позиционируются гражданские инициативы и институты общественного сектора. В отличие от иных негосударственных субъектов социальной политики общественный сектор представлен формализованными способами организации социальной деятельности. Его характер детерминирован институциональными особенностями гражданского общества и действующей в конкретном государстве системой законодательства в области гражданских прав и объединений.

В основном институты гражданского общества в сфере социальной политики имеют организационную форму общественных организаций и объединений. В совокупности организации и объединения подобного вида представляют собой обширный сектор, который в управленческой науке и практике получил название «третьего или общественного сектора». «Третий сектор» является собирательным понятием, используемым для обозначения многочисленных и разнообразных негосударственных организаций и институционализированных групп, которые действуют на принципах самоорганизации, независимо от государства, но в то же время выполняют государственно замещающие функции, связанные с удовлетворением социальных интересов и потребностей конкретных социальных групп [Шинелева, 2002]. Особый социальный статус данных организаций сочетается с их специфическим экономико-правовым статусом, который заключается, во-первых, в том, что имущество данных организаций не находится в частной, государственной или муниципальной собственности, а является собственностью коллективной. Во-вторых, данные организации не имеют в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и распределение ее между участниками. Именно поэтому данные организации именуются неправительственными или некоммерческими организациями (НКО или НПО).

Несмотря на то, что выделение общественного сектора в качестве самостоятельного, полноценного, масштабного субъекта социальной полити-

ки и общественной активности в целом произошло лишь во второй половине XX века, предпосылки и основы его функционирования были заложены гораздо раньше – в виде разнообразных форм благотворительной деятельности, традиций меценатства и общественной взаимопомощи.

В настоящее время общественные организации являются не только дополнительной, но и весьма действенной силой в реализации социальной политики. Они выступают в качестве средства преодоления как изъянов рынка, так и изъянов государства в социальной сфере [Шишкин, 2003. С. 348–349]. Их отличительными особенностями является то, что они, во-первых, способны проникать в те сферы жизнедеятельности общества, которые не затрагиваются, либо слабо затрагиваются существующими государственными структурами. Во-вторых, они обладают способностью максимально активизировать характер деятельности и поведения их членов в направлении самостоятельного решения возникающих социальных проблем. Общественные организации способствуют вовлечению индивидов в социальную деятельность, в результате чего осуществляется процесс их превращения из нуждающихся пассивных объектов, ждущих помощи извне, в активных самостоятельных субъектов социальной деятельности [Пшеницина, 2000. С. 135]. Именно этими особенностями НКО определяется то, что одной из основных сфер их активности является социальная сфера. При этом спектр их деятельности в социальной сфере постоянно расширяется и сегодня охватывает все основные направления социальной политики, регламентированные государством, а также области социальной деятельности, не охваченные государственными социальными программами [Белокурова, 1998. С. 42–50]. Увеличение роли институтов третьего сектора в области социальной политики определяется как минимум тремя следующими факторами.

Во-первых, в условиях роста социальных проблем в обществе, увеличения социально незащищенных групп, динамики социальных потребностей населения государство оказывается не в состоянии преодолеть данные проблемы и решить все возникающие социальные вопросы на своем уровне, поэтому население оказывается перед необходимостью самостоятельно объединяться и организовываться для решения многих проблем собственными силами.

Во-вторых, в условиях сложно структурированного и дифференцированного общества множественные локальные общественные организации и объединения граждан оказываются более эффективными акторами социальной политики, так как находясь в наибольшей степени приближения к конкретным потребностям и проблемам населения, они ориентируются на их адресное решение и на оказание востребуемых социальных услуг с учетом особенностей их проявлений и последствий.

В-третьих, именно свободные объединения граждан раскрывают максимум возможностей для многообразных гражданских инициатив, воспроизводящих инновационные способы решения социальных проблем и позволяющих наименее защищенным находить реальную опору в общественной поддержке.

Среди традиционных направлений активности организаций третьего сектора в первую очередь следует назвать социальные движения и организации, представляющие и реализующие интересы конкретных социальных групп, консолидирующихся для решения тех или иных социальных проблем и испытывающих потребность в тех или иных видах социальной помощи и защиты. К ним, например, можно отнести молодежные, женские, детские, ветеранские движения, профсоюзные объединения, организации лиц, страдающих теми или иными видами заболеваний, или имеющих какие-либо особые проблемы (например, движения социальной защиты уволенных в запас военнослужащих, организации помощи бывшим узникам и жертвам политических репрессий).

Кроме того, следует выделить институционализированные инициативы образовательной и культурной направленности, которые связаны не с реализацией функций социальной защиты, а с развитием человеческого потенциала и предоставлением социальных и консультационных услуг в поливариантных формах. Примерами таких инициатив могут быть организации типа национально-культурных обществ, творческих союзов, научно-образовательных, спортивных объединений, клубов по интересам.

И наконец, еще одно направление деятельности организаций общественного сектора связано не столько с непосредственной реализацией тех или иных социальных программ, мероприятий и акций, сколько с аккумуляцией финансовых ресурсов и инвестированием их в социальную сферу. К числу организаций подобного рода могут быть отнесены различные благотворительные организации и фонды.

Разнообразие сфер и видов социальной деятельности институтов третьего сектора определяет необходимость их разнообразного организационно-правового статуса, который регламентируется на законодательном уровне. Реальный спектр организационно-правовых форм НКО достаточно широк и может быть представлен организациями типа общественных объединений, движений, партий, ассоциаций, кооперативов, партнерств, фондов, обществ [Макальская, Константинова, 2002. С. 6–20]. При этом существенной характеристикой всех возможных форм, в которых выступают институты гражданского общества социальной направленности, является то, что, активно реализуя свои социальные функции, они, как правило, не преследуют в своей деятельности прямых политических целей, то есть не участвуют в открытых формах в борьбе за государственную власть и политическое влияние. В то же время их влияние предельно велико в сфере оказания социальных услуг населению, регулирования социальных отношений, осуществления принципов социальной солидарности, социальной справедливости, социальной защищенности и социальной безопасности граждан.

К числу основных функций, которые способны реализовывать институты третьего сектора в сфере социальной политики можно отнести:

- функцию идеологическую, проявляющуюся в способности данных институтов выражать интересы конкретных социальных групп, оказывать влияние на органы власти, их политические программы и

мероприятия в направлении отстаивания и реализации данных интересов;

- функцию социальной защиты, выражающуюся в способности НКО самостоятельно реализовывать социальные программы и мероприятия, направленные на оказание социальной помощи и социальной поддержки конкретным группам населения, отдельным семьям и гражданам с учетом их специфических потребностей и условий жизнедеятельности;
- сервисную функцию, выражающуюся в способности общественных организаций удовлетворять конкретные потребности граждан через производство и оказание социальных услуг;
- функцию развивающую, выражающуюся в способности инициативных общественных объединений выступать в качестве центров воспроизводства возможностей социализации, развития личностного потенциала и креативного взаимо- и самосовершенствования их членов;
- инвестиционную функцию, реализуя которую общественные организации способны выступать в качестве механизма для привлечения финансовых ресурсов в социальную сферу;
- функцию интегративную – наиболее существенную функцию, реализуемую организациями общественного сектора в сфере социальной политики, проявляющуюся в их способности выступать в качестве важнейших механизмов объединения граждан для осуществления коллективных усилий в направлении решения социальных проблем, обеспечивающих рост социальной интеграции, социальной стабильности и социального баланса в обществе.

Наряду с функциями институтов третьего сектора следует выделить ряд базовых принципов, определяющих их деятельность.

В первую очередь это принцип самоорганизации и самоуправления, затрагивающий существенные характеристики НКО как самостоятельного субъекта социальной активности, реализующего свои функции в обществе независимо от государства и иных инстанций. Являясь организационной формой самодетельности населения, НКО самостоятельно принимают решения о своем создании и ликвидации, определяют направления, объекты, формы и виды деятельности, изыскивают ресурсы, нормируют, регламентируют свою деятельность и осуществляют ее в условиях самоконтроля.

Следующий важный принцип – это добровольность членства. Он предполагает наличие реальной свободы индивида в процессе принятия решения об участии в деятельности той или иной общественной организации. В то же время сама организация как коллектив соучастников рекрутирует и мотивирует активность своих членов исключительно на условиях самоинициативы и самоответственности. Поэтому сфера общественной деятельности становится для граждан сферой свободного самостоятельного выбора.

Добровольность членства находит свое развитие в добровольности и часто в безвозмездности деятельности ее участников. Подобный характер обще-

ственной деятельности в дискурсе современных институтов третьего сектора получил название волонтерства.

Еще один важный принцип – это принцип открытости и общедоступности. Характеру деятельности любой общественной организации противоречат замкнутость, закрытость, ориентация на узкий, ограниченный круг участников. Социальный потенциал любой подобной организации раскрывается только при условии привлечения в ее ряды как можно большего числа активных членов. Как правило, регламентации здесь могут подвергаться лишь степень и формы участия, а не количество членов или сам факт членства. По своей природе НКО ориентированы на открытый характер взаимодействия с общественными структурами, заинтересованы в массовом представительстве и охвате своей деятельностью как можно более широкой аудиторией.

И наконец, принцип, связанный с ориентацией деятельности общественных организаций не на экономический, а на социальный эффект, достижение социального результата, выражающегося в удовлетворении социальных потребностей, нейтрализации потенциальных или реальных социальных противоречий и конфликтов, на формирование сбалансированных социальных отношений. Не случайно деятельность большей части НКО направлена на реализацию благотворительных функций и оказание безвозмездной социальной помощи и услуг.

Таким образом, в системе социальной политики организации общественного сектора как институционализированные гражданские практики занимают обширное место и выступают в качестве ее высокостатусных субъектов. Их социальная роль признается современным обществом в качестве существенной, по отношению к ним формируются определенные социальные ожидания, а центр тяжести социальной ответственности все более смещается в их сторону со стороны государства.

Проблемы формирования общественного сектора как субъекта социальной политики в современном российском обществе

Институциональные трансформации социальной политики в современной России, отказ от ее патерналистской модели привели к тому, что существенные преобразования стали реальностью не только в сфере социального государства, но и в сфере негосударственной социальной активности. Патерналистская модель социальной политики, получившая устойчивое развитие в дореформенной России, предполагала наличие максимального участия в ней государства, его тотальную ответственность за развитие социальных процессов и отношений и практически полное подавление негосударственной активности в социальной сфере, особенно в ее институциональных формах.

Так, существовавшие в советское время общественные организации (включая, например, профессиональные и творческие союзы, общества ин-

валидов, ветеранов) находились в идеологической, организационной, финансовой зависимости от государства и выступали в качестве проводников государственной социальной политики. Корпоративная социальная политика, достаточно активно и масштабно развивавшаяся в советский период, особенно на крупных промышленных предприятиях ВПК и машиностроения, вряд ли может быть отнесена к самостоятельным формам социальной политики, так как сами предприятия находились в государственной собственности и, следовательно, свобода их активности в социальной сфере была существенно ограничена. Социальные инициативы местных сообществ (добровольные народные дружины по охране правопорядка, организация дворовых субботников, культурно-массовых мероприятий), как правило, санкционировались органами государственной власти на местах и находились под их контролем. В то же время сферой функционирования относительно свободного от государства пространства социальной политики в СССР оставались семейные, межсемейные и профессиональные сети социальной взаимопомощи, которые, зачастую, в латентной, но специфической форме компенсировали издержки дискриминационных факторов дефицитной экономики [Леденева, 1999. С. 111–124].

Таким образом, в советский период негосударственное пространство социальной политики существовало в России в ограниченных, скрытых, в основном неинституционализированных формах и в большей степени под патронажем государства. В то же время патерналистское социальное государство в силу своей специфики покрывало большую часть совокупного пространства социальной ответственности в обществе и обеспечивало удовлетворение основных социальных потребностей населения на уровне установленных им и легитимизированных стандартов. Поэтому данная модель социальной политики, несмотря на относительную однополярность и моносубъектность, была достаточно устойчивой.

В современных условиях трансформация данной модели, проявляющаяся в минимизации социальных функций государства, сокращении доли его социальной ответственности, создает объективные предпосылки для активизации в России потенциала негосударственных субъектов в сфере социальной политики. Речь идет об изменении принципов взаимодействия общества и государства в связи с трансформацией характера и масштабов социальных функций государства, когда отход от принципов максимального и прямого государственного контроля патерналистской модели в социальной сфере создает объективные условия для формирования институтов частного, общественного сектора, семьи, сообществ как самостоятельных и равноценных субъектов социальной политики. Данная ситуация способствует выходу негосударственных акторов и форм коллективности с латентного уровня на уровень официальных социальных практик и институтов альтернативной социальной политики. Однако проблемой дня является то, что следствием длительного господства патерналистской модели социального государства стало подавление традиций самоорганизации в российском обществе как на ментальном уровне, так и на уровне социокультурных прак-

тик [Лапина, 1998. С. 14–15]. Поэтому процесс формирования негосударственного пространства социальной политики и основных элементов, его составляющих, осуществляется сегодня в России очень сложно, медленно и противоречно. Он практически тождествен процессу «рождения заново» и во многом детерминирован изменениями, происходящими на уровне социального сознания.

С другой стороны, концептуальной особенностью экономических и политических преобразований в России является слабое использование населения в качестве ресурса реформ, и как следствие – затяжные процессы его адаптации к новым социально-экономическим условиям. Тем не менее в условиях либерализации экономики и демократизации общественной жизни в течение 1990-х годов помимо частного сектора экономики постепенно начало формироваться новое для России пространство некоммерческой социально значимой деятельности, то есть пространство третьего сектора, – закладывая тем самым основы социального капитала как ресурса, без которого невозможно эффективное развитие общества и демократического правового государства.

Активное формирование третьего сектора в лице гражданских инициатив, общественных организаций, социальных движений, деятельность которых в первую очередь направлена на решение социальных задач, реализацию социальных функций, идет в России уже более десяти лет. Точной статистики о количестве данных организаций не существует, так как, с одной стороны, не все подобные организации регистрируются в соответствующих ведомствах, а с другой – реально работают не более 30 % зарегистрированных НКО. Тем не менее, по оценкам специалистов, количество данных организаций в современной России измеряется сотнями тысяч [Браун и др., 1998. С. 159]. К сегодняшнему дню российский третий сектор уже прошел путь от единичных инициатив до массового общественного движения. Он постепенно обретает характер достаточно весомой системы, аккумулирующей все возрастающий объем человеческих, финансовых, материальных, организационных ресурсов и потенциал гражданского действия [Межсекторальные взаимодействия... 2001. С. 13].

Постсоветский период явился этапом активной правовой институционализации третьего сектора. В 1993 году Конституция Российской Федерации провозгласила свободу деятельности общественных объединений и право граждан на объединение. В середине 90-х годов были приняты основополагающие федеральные законы в этой сфере – «Об общественных объединениях» (1995) и «О некоммерческих организациях» (1996). Кроме этого существенные аспекты деятельности НКО стали регламентироваться в связи с принятием федеральных законов «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», а также других нормативных актов на уровне регионов и муниципальных образований. Правовая институционализация создала условия для превращения НКО в полноценный общественный сектор.

Наибольшая динамика создания НКО наблюдалась в середине 1990-х годов, что связано с обострением социальных проблем в обществе на фоне ограниченной и неэффективной деятельности государства в социальной сфере. По данным Госкомстата РФ в 1999 году в России насчитывалось около 485 тыс. некоммерческих организаций [Михеев, 2001. С. 85]. Анализ данных, представленных Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Саратовской области свидетельствует о том, что НКО начали регистрироваться в области с 1991 года. В 1991–1992 годах было зарегистрировано 129 общественных объединений, в 1993 году – 134, в 1994 году – 180, в 1995 – 261, в 1996 году – 280, в 1997 году – 201 и в 1998 году – 494. На 2000 год в области официально было зарегистрировано около 2 тыс. неправительственных организаций и объединений ¹.

Структура формирующегося российского общественного сектора отражает наиболее сложные общественные проблемы и зоны социальной напряженности, где государство оказывается ограниченным в возможностях по их разрешению. Поэтому наиболее емкой областью проявления гражданского сектора стала социальная сфера, где граждане сами берутся за разрешение собственных социальных трудностей и помогают социально слабым и нуждающимся в поддержке. К примеру, в 1998 году в Саратовской области из общего числа зарегистрированных общественных организаций 90 % имели непосредственную социальную направленность (табл. 1).

Данные свидетельствуют о том, что третий сектор стремится направить свои усилия на проблемные зоны социальной сферы – трудовые, межнациональные отношения, социальную поддержку малообеспеченных и дискриминируемых групп, развитие творческого потенциала населения, компенсируя при этом недостатки государственной социальной политики.

Экспертный опрос руководителей НКО – участников окружной ярмарки социальных и культурных проектов Приволжского федерального округа, проведенный в октябре 2001 года ², позволил представить элементы социального портрета наиболее активного и реально действующего сегмента третьего сектора Поволжского региона. В опросе приняло участие 57 руководителей общественных организаций различного профиля. Наибольшая часть экспертов представляла общественные организации, пик регистрации которых пришелся на 1998 год, то есть организации, функционирующие в течение 3–4 лет. Среднегодовая численность персонала данных организаций за последний период составляла примерно 180–190 человек. Подавляющее большинство НКО

¹ Анализ данных осуществлялся в 2000 году по материалам внутриведомственной статистики Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Саратовской области.

² Экспертный опрос руководителей НКО Саратовской области (57 формализованных интервью, 5 глубинных интервью) по проблемам становления третьего сектора в регионе проводился в рамках Федеральной программы «Механизмы формирования общественного согласия и социального партнерства» в 2001 году Центром информационно-аналитического и социологического обеспечения государственной службы Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина.

Таблица 1

Количество организаций, зарегистрированных в 1998 году в Саратовской области

<i>Профиль организации</i>	<i>Количество организаций</i>
Профсоюзные организации	254
Общества инвалидов	70
Детские молодежные организации	28
Объединения по интересам	20
Спортивные объединения	17
Фонды благотворительности	16
Научно-образовательные организации	14
Объединения ветеранов войны	13
Объединения национальных меньшинств	11
Политические организации и движения	11
Организации защиты прав потребителей	5
Экологические организации	4
Женские организации	3
Организации вынужденных переселенцев	2
Другие	28

имели небольшое количество штатных сотрудников, работающих за плату, – в пределах 2–5 человек. Основная масса сотрудников НКО работала на добровольной основе. При этом общее количество добровольцев, работающих на постоянной основе (один раз в две недели и чаще), во всех опрошенных НКО составило 8 760 человек, а добровольцев, работающих на временной основе (реже, чем один раз в две недели), – 3 218 человек. Социальный состав волонтеров, постоянно сотрудничающих с НКО – участниками опроса, разнообразен. Суммарное количество добровольцев данных организаций составило 33 школьника, 164 предпринимателя, 394 домохозяйки, 520 студентов, 446 безработных, 1 833 рабочих и служащих, 6 896 пенсионеров, представителей других социальных групп – 335. На добровольной основе с НКО сотрудничают в основном люди старшего возраста. Суммарный возрастной состав добровольцев составил: до 18 лет – 272 человека, от 35 до 55 лет – 1 246 человек, от 55 лет и старше – 6 593 человека.

Как показало исследование большая часть НКО социальной направленности является многопрофильными и реализует проекты, связанные с решени-

ем различных социальных проблем. Среди основных сфер деятельности организаций экспертами назывались: социальная помощь – 50 %, правовая защита – 50 %, культура – 48 %, образование – 36 %. При этом основными видами деятельности данных организаций в 40 % случаях являлись оказание юридических услуг, в 38,5 % случаев – образовательные услуги, в 31 % случаев – психологическая помощь, в 23 % случаев – содействие в трудоустройстве. При ответе на вопрос: «На кого/что направлена деятельность Вашей организации?» 82,5 % опрошенных руководителей НКО отметили, что деятельность их организаций направлена на помощь инвалидам и ветеранам, 58 % – на помощь пенсионерам, 47 % – на помощь беженцам и вынужденным переселенцам, 30 % – на поддержку детей и подростков, 50 % – на поддержку молодежи.

Социальная направленность многопрофильного и адресного характера, отличающая НКО, проявляется и в деятельности волонтеров. Основными видами работ, которые выполняют добровольцы, работающие в общественных организациях на постоянной основе, являются: организация социально-культурных мероприятий (95 %), сбор и распространение информации (79 %), оформление документации (74 %), социальная и другая помощь нуждающимся (66 %). Аналогичные виды работ выполняют и добровольцы, сотрудничающие с НКО на временной основе. За прошедший год организациями, участвовавшими в опросе, в сумме было оказано социальных услуг различного характера – 154 808 физическим лицам и 68 юридическим лицам. Основными источниками финансирования организаций являлись пожертвования юридических и физических лиц, а также грантовые средства. Примерный объем финансовых поступлений за последний год варьировался от нулевых значений («финансирование отсутствует») – 31,5 % до 1 млн рублей и более – 2 %.

Представленные характеристики свидетельствуют о том, что некоммерческий сектор в регионе, да и в России в целом, все более обретает статус весомого агента социальной деятельности и субъекта социальной политики, обладающего реальным потенциалом и ресурсами в сфере реализации социальной ответственности. Например, расходы организаций третьего сектора в 1998 году в нашей стране составили 107,4 млрд рублей или 4 % ВВП [Шишкин, 2003. С. 350]. По оценкам специалистов, российские некоммерческие организации ежегодно обслуживают до 30 млн граждан [Межсекторальные взаимодействия... 2001. С. 10]. Однако роль НКО в современных условиях заключается не только в том, что они в количественном плане пополняют ресурсную базу социальной политики, пытаясь снять определенное бремя с государственного бюджета, но и в том, что по многим направлениям социальной политики они оказываются в авангарде реформ, иницилируя инновационные и более эффективные методы решения социальных проблем. Организации подобного типа разрабатывают новаторские виды социальных услуг и помощи, проникая в те сферы, где государство не способно действовать в силу бюджетных ограничений или не успевает реагировать на динамично возникающие и изменяющиеся социальные проблемы (например, бе-

женцы, национальные меньшинства, домашнее насилие, безнадзорность и социальное сиротство, группы риска).

В то же время, несмотря на позитивные тенденции развития НКО, данный процесс сопровождается множеством проблем. Институционализация и легитимизация третьего сектора в российском обществе находятся на начальной стадии. Сам феномен общественного сектора может быть отнесен к крупномасштабным социальным инновациям, затрагивающим принципиальные основы взаимодействия личности, общества и государства. Однако ресурс данных инноваций пока не рассматривается в качестве элемента общей социально-экономической стратегии развития общества, свидетельством чего является отсутствие продуманной государственной политики в этом направлении. В концепциях реформ отраслей социальной сферы общественный сектор не позиционируется как полноценный партнер государства, семьи и рынка. Отсутствует система механизмов, стимулирующих создание, развитие и профессионализацию НКО. На федеральном уровне и в регионах не отлажены до конца механизмы взаимодействия НКО с органами власти. Не случайно поэтому руководители общественных организаций в ходе опроса в качестве основных проблем развития НКО называли несовершенство законодательства, в частности, отсутствие законодательных механизмов взаимодействия (55 %), недостаточную информированность органов власти и должностных лиц о возможностях НКО (43 %), разобщенность НКО при осуществлении взаимодействия (41 %), недостаточный уровень профессионализма НКО (39 %). Только 22 % опрошенных руководителей НКО полностью удовлетворены взаимодействием их организаций с органами власти, 72, 5 % удовлетворены лишь частично и 6 % не удовлетворены совсем. При этом необходимо учитывать, что в опросе принимали участие наиболее «продвинутые» НКО, уже сформировавшие определенный социальный капитал и опыт взаимодействия с государством. Но все же оценки взаимоотношений с властями давались разные. Это подтверждают и результаты глубинных интервью с руководителями саратовских НКО, проводившихся параллельно с формализованным опросом. В ходе интервью респондентам было предложено ответить на вопрос о характере взаимодействия НКО с властями – местными, региональными, федеральными, о том, кто является инициатором такого взаимодействия. В процессе неформализованных бесед были получены достаточно противоречивые ответы на данный вопрос. С одной стороны, отмечалась лишь некоторая активизация внимания властей по отношению к НКО, определенное понимание ими взаимовыгодности сотрудничества государственного и общественного секторов, что достигается, однако, в основном усилиями самих общественных организаций:

«Конечно, на первом этапе НКО долго воспитывали чиновников. На сегодняшний день мы не воспитали, так нельзя сказать, что они точно знают, что такое НКО, они понимают, что им выгодно взаимодействовать с НКО,

тех или иных проектов или программ. Но если мы не будем стучаться в их двери, они опять уснут» (председатель правления Саратовского регионального детского благотворительного общественного фонда «Савва»).

С другой стороны, отмечались явно позитивные тенденции, отражающие во многом передовой характер взаимодействия региональных органов власти и местных общественных организаций, выражающийся в реальной взаимозаинтересованности и взаимонаправленности действий. Давалась позитивная оценка идущих в регионе процессов институционализации такого взаимодействия, в результате которых общественные организации и их лидеры начинают осознавать себя участниками единой общественно-государственной системы управления:

«В Саратовской губернии Общественная палата появилась в силу того, что губернатор не раз встречался с нами за круглым столом. И не один круглый стол был проведен, и личные, и частные, и групповые беседы были проведены, наверное, начиная с 1996 года. Поэтому это взаимодействие в Саратовской области получилось навстречу друг другу. Мы встретились, и у нас появились общие трибуны, и я очень горжусь Общественным договором, который губернатор подписал индивидуально с лидерами общественных и благотворительных организаций. Это уже более “крутой подход”. И я всегда думаю, что в конце года нам предстоит держать отчет перед губернатором. То же самое получилось и с общественным советом думы. Общественные организации пришли к С. в комитет, он поддержал и таким образом состоялся Совет, который не может принадлежать только общественному сектору или только государственному сектору. Это общественно-государственная система, кстати, этим опытом интересуются другие регионы» (президент Саратовского регионального благотворительного фонда «Помощь семье и детству»).

В то же время не менее аргументированно звучали и пессимистические оценки складывающейся ситуации взаимодействия власти и НКО, носящей односторонний, малоэффективный и в большей степени пиаровский характер. При этом невосприятие властями общественных организаций в качестве реальных партнеров связывалось не только с узостью ориентаций чиновников в данной сфере и отсутствием законодательной основы такого взаимодействия, но и со слабостью самих НКО, не способных привлекать дополнительные ресурсы на социальные программы и ориентирующиеся в основном на бюджетные средства:

«Инициаторами взаимодействия НКО с властями всегда становятся, конечно же, НКО. Но у нас эта связь получается односторонней: когда НКО хочет что-то получить от власти, обычно это что-то материальное или, как минимум, содействие. Редко, когда НКО предлагает власти сделать что-то за свой счет, а не за счет бюджета города, области. И поэтому власть от НКО в целом отмахивается и не видит, что среди НКО есть действительно большой реальный потенциал, профессиональные кадры. Причем

органы власти тоже не могут работать с НКО просто так. Они должны разработать какие-то свои правила, какие-то свои положения о работе с НКО и так далее. Многие НКО просто боятся. То есть получается, что связь односторонняя с каждой стороны. НКО, обращаясь во власть, редко когда получает согласие. Власть, обращаясь к НКО, не преследует никаких особых целей, кроме как какую-то PR-акцию сделать и отчитаться за нее» (президент Саратовской региональной общественной организации «Бизнес-перспективы в XXI веке»).

Представленные во многом противоположные оценки и внутренние ощущения руководителей общественных организаций относительно вхождения НКО в управленческое и социальное пространство региона свидетельствуют о том, что институционализация третьего сектора и системы его взаимодействия с государством осуществляется противоречивым образом. Стратегическая нацеленность на партнерско-паритетные отношения искажается издержками административно-командных методов на уровне отдельных чиновников, что пагубно влияет на возможности раскрытия потенциала НКО. Негативные тенденции, связанные с этим, приводят к тому, что вместо повышения эффективности государственных расходов необходимость поддерживать третий сектор может приводить к увеличению нагрузки на государственный бюджет, а потребление общественных ресурсов замыкаться на ограниченном круге населения. Данные тенденции отрицательно сказываются не только на развитии НКО, но и на отношении к ним со стороны граждан общества. Результаты анкетного опроса населения города Саратова, проведенного в октябре 2003 года ¹, свидетельствуют о предельно низкой степени доверия горожан к общественным организациям как институтам социальной политики. По оценкам респондентов, они занимают последнее место в рейтинге основных субъектов социальной ответственности наряду с государством, корпоративной социальной политикой организаций-работодателей, семьей, межсемейными и дружескими сетями. Поэтому, несмотря на определенный ресурсный потенциал, аккумулирующийся сегодня в НКО, третий сектор пока недостаточно признан властью и практически не признан населением.

В целом можно согласиться со специалистами, которые выделяют следующие основные проблемы, сопровождающие процесс формирования третьего сектора в нашем обществе в настоящий период [Норин, 2001. С. 44–45]:

1. Проблема легитимности. Несмотря на то, что государство стремится переложить на организации третьего сектора обслуживание социальной сферы общества, положение НКО все еще остается неопределенным. С одной стороны, в сознании людей и управленческой элиты доминирует двухсекторальная модель экономики, признающая существование только рынка и государ-

¹ Анкетный опрос населения г. Саратова по проблемам трансформации социальной политики в современном российском обществе проводился автором в 2003 году на основе квотной многоступенчатой выборки объемом 417 человек.

ства, что затрудняет осознание ими роли и места третьего сектора в общественной и экономической жизни. До сих пор некоммерческий сектор не отражен в национальных счетах, что не позволяет судить о его действительной роли, масштабах его деятельности. Отсутствует и отдельный налоговый статус НКО, который мог бы способствовать созданию более комфортных условий для его развития. С другой стороны, не всегда обеспечивается прозрачность деятельности общественных организаций, занимающих уникальную нишу на рынке социальных услуг, что необходимо для повышения их социального статуса. Недостаточным является и информационное освещение деятельности НКО, отсутствует продуманная система их продвижения и формирования имиджа.

2. Проблема эффективности. Она заключается в необходимости демонстрации компетентности третьего сектора и его преимуществ перед государственными службами при решении социальных проблем. Учитывая инновационный и ответственный характер деятельности НКО, по отношению к ним требуются иные, нежели традиционные, подходы к организации системы управления и контроля с применением возрастающих критериев эффективности их функционирования в целом.

3. Проблема поддержки третьего сектора. Узость отечественных источников финансирования НКО и снижение зарубежного финансирования в последние годы поставило многие из них в затруднительное положение и привело к ликвидации. Финансовая нестабильность сопровождается кадровой нестабильностью общественных организаций. Наиболее активные участники общественных движений оказываются втянутыми в политику либо рекрутированными в штат государственных структур. Поэтому в целом отсутствие полноценной ресурсной поддержки НКО осложняет процесс укрепления общественного сектора в структуре современного общества.

4. Проблема сотрудничества. Лавинообразный рост числа НКО в 1990-е годы не сопровождался процессами их консолидации. Наоборот, главенствующими тенденциями их взаимодействия стала жесткая конкуренция за распоряжение ограниченными финансовыми, человеческими и инфраструктурными ресурсами. Субъекты третьего сектора не ощущают себя частью общей некоммерческой системы, решающей единые задачи. Слабая интеграция некоммерческого сектора не позволяет ему выступать в качестве реальной общественной силы, противостоящей и дополняющей государство и рынок.

Таким образом, несмотря на институционализацию и бурное развитие третьего сектора в постсоветской России, пока рано говорить о том, что процесс его социальной «кристаллизации» близок к завершению. Консервативный характер массового сознания россиян, стереотипы восприятия и деятельности управленческой элиты препятствуют завоеванию третьим сектором должного общественного внимания и социальной оценки. В результате потенциал данного сектора пока остается недоиспользованным.

Однако уже достигнутый уровень развития некоммерческих организаций, их преимущественные ориентации на решение социальных проблем, способность реализовывать широкий спектр социальных функций и обязательств, пусть пока и в проблемном поле, позволяют заключить, что в структуре российского общества вырисовывается новый значимый субъект социальной политики. Его реальный институциональный характер и все более раскрывающийся потенциал дает основания *говорить о закреплении, утверждении на практике легальных форм* негосударственной социальной политики и заявлять о реальности формирования ее новой модели, обладающей полисубъектным характером.

Список литературы

- Белокурова Е.* Воздействие организаций «третьего сектора» на становление либеральной модели социальной политики в России // МЭМО. 1998. № 10. С. 42–50.
- Браун К., Кени С., Резниченко Л.* Третий сектор и проблемы общественной самоорганизации в современной России // Общество и экономика. 1998. № 10–11. С. 151–164.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 40–47.
- Дарендорф Р.* От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. 1993. № 5. С. 31–35.
- Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Келлер К., Келлер П.* Реформа социального сектора в странах с переходной экономикой // Приоритеты социальной политики: Реферативный бюллетень. М.: ПАГС, 2001. (Государственная служба за рубежом. Вып. 5. 2001). С. 136–144.
- Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998.
- Константинова Л. В.* Социальная политика: концепция и реальность: Опыт социологической рефлексии. Саратов: ПАГС, 2004.
- Кларк Дж.* Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 69–89.
- Лайкам К.* Модели социальной политики // Общество и экономика. 2000. № 8. С. 19–26.
- Латина Г.* Самоорганизация населения в трансформирующейся системе // Общество и экономика. 1998. № 8. С. 14–15.
- Леденева А.* Блат и рынок: трансформация блата в постсоветской России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 111–124.
- Макальская М. Л., Константинова С. Б.* Общественные объединения. Бухгалтерский учет, налогообложение и аудит. М.: Дело, 2002.
- Межсекторальные взаимодействия* (методология, технология, правовые нормы, механизмы, примеры). Альманах. М., 2001.
- Михеев В. А.* Взаимодействие властных структур с некоммерческими общественными организациями: опыт и перспективы // Актуальные проблемы политики и политологии в России / Под ред. В. С. Комаровского. М.: ПАГС, 2001. С. 85–94.
- Норин В. Г.* Роль НКО в социально-экономической политике государства // Власть и управление на Востоке России. 2001. № 4. С. 42–45.

- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Пишеницина О. В.* Общественные организации как субъект социальной работы // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 135–137.
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000.
- Томпсон Т.* Будущее реформы социальной системы США // Приоритеты социальной политики: Реферативный бюллетень. М.: РАГС, 2001. (Государственная служба за рубежом. Вып. 5. 2001). С. 30–34.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. М.: ЗАО «Экономпресс», 2000.
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989). М.: Наука, 1992.
- Хилл Х.* Стратегии успеха государственного управления // Государственная служба: Проблемы реформирования. Зарубежный опыт. М.: Изд-во РАГС, 1995. Вып. 8. С. 15–24.
- Шанин Т.* Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон. М.: Аспект Прес, 1997. С. 26–39.
- Шинелева Л. Т.* Общественные неправительственные организации и власть. М.: Дашков и К, 2002.
- Шишкин С. В.* Экономика социальной сферы: Учебное пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Штрассер Й.* Будущее социального государства // Социальное государство в Западной Европе: Проблемы и перспективы. Проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 138–139.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* Развитие волонтерского движения // Становление институтов гражданского общества. Саратов: ПАГС, 2000. Ч. 1. С. 79–83.
- Luhmann N.* Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen // N. Luhmann. Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft, 4 Auflage, Opladen, 1991. S. 134–149.
- Pierre J.* State Models and Economic Development: Controversies, Convergences and Consequences. A Paper for the IPSA Congress. Seoul, 1997.

Лариса Владимировна Константинова
к.ф.н., доцент кафедры социологии и социальной политики,
заместитель декана факультета
Государственного и муниципального управления,
Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина

электронная почта: kostkas@yandex.ru
